

Проходя мимо Рафаэля, Август сказал:

— Извини. Прости мою своевольность. Не прощай, если не хочешь, но я должен это сделать.

Пусть даже это ничего не изменит, Август надеялся, что мисс Мария поймёт: она не одна.

Он стремительно ворвался в королевские покои, не утруждая себя вопросом, разрешил ли король войти. Август приготовился излить накопившуюся ярость, но вместо этого увидел дядю — Ричарда II — в полной прострации, распростёртого на ковре.

За одну ночь король словно постарел на десять лет. Удар был столь сокрушителен, что он казался опустошённым, будто жизненная сила покинула его тело. Он уже не был тем решительным монархом, каким был полгода назад. Теперь это был просто несчастный мужчина средних лет — без жены, без детей, лишь с несмываемым запахом вина.

Заметив Августа в дверях, Ричард II лишь слабо кивнул и прохрипел:

— Закрой за собой.

Август послушно закрыл дверь, отгородившись от посторонних звуков и любопытных взглядов. Он подошёл и присел рядом с королём, не зная, что сказать или сделать.

«Сначала запал, потом спад, затем — истощение». Именно это он сейчас и чувствовал.

Ричард II, напротив, отчётливо понимал, зачем пришёл племянник.

— Ты тоже меня ненавидишь? — спросил он хрипло.

Август покачал головой. Многие в этом мире имели право ненавидеть Ричарда II, но только не он.

Король усмехнулся:

— Не ненавидишь. Но я тебе неприятен?

Август снова покачал головой. Ричард II даровал ему герцогский титул, когда тот был ещё глупцом, помог сохранить несметное состояние родителей. Недолюбливать дядю после этого было бы верхом неблагодарности.

— Но ты и не любишь меня, — без обиняков заявил Ричард II.

На сей раз Август не мог отрицать. Он действительно не испытывал к дяде особой симпатии — из-за того, как тот использовал Рафаэля, из-за пренебрежительного отношения к мисс Марии, из-за того, что он был плохим королём.

— Мне следует довольствоваться тем, что есть, — Ричард II тяжело вздохнул. — Ведь Мария меня ненавидит. Ты знал?

Август кивнул. Конечно, знал. Вся Англия, нет — вся Европа, вероятно, знала.

— А я — нет, — сказал король.

Подлинной причиной его смятения была вовсе не измена мисс Говард, а внезапное осознание давно назревшей истины: его собственный ребёнок ненавидит его.

Марию взорвало его фраза: «Уведите Екатерину!»

Её мать тоже звали Екатериной. Когда-то Ричард II сказал то же самое своей первой королеве. Они уже были разведены, она умирала и просила позволения поговорить с дочерью.

Но Ричард II не разрешил.

Вскоре первая королева скончалась. Холодное «Уведите Екатерину!», произнесённое тогда в присутствии Марии, стало её последним воспоминанием о матери. Она даже не смогла проводить её в последний путь.

Это было то сокровенное прошлое, которое другие не могли понять — причина внезапного порыва мисс Марии.

А ещё были слова, которые, даже услышав, никто не посмел бы повторить. Мисс Мария прокляла короля:

— Я ненавижу тебя! Хочу, чтобы ты немедленно отправился в ад!

— Как ты мог не знать, что она тебя ненавидит? — вновь закипел Август. — Ты изгнал её мать! Ты превратил её из законной наследницы в бастарда! Ты заставил её прислуживать сводным сестре и брату! Ты растоптал её гордость!.. И после этого говоришь, что не знал?

Король смотрел на Августа с детской растерянностью. Он и вправду не знал.

— Я обеспечил её тёплой одеждой, сытной едой, нанял лучших учителей... Разве этого мало?

— Как этого может быть достаточно? — Август счёл дядю совершенно невменяемым. — Кто, по твоему, этим удовлетворится?

— Я, — ткнул пальцем в себя Ричард II. — Знаешь, как твой дед относился ко мне? Он винил меня в том, что моё рождение опечалило его возлюбленного, и открыто издевался надо мной. Не будь твоего отца — я бы голодал, мёрз и остался без образования. Меня даже чуть не задушили. Я дал Марии всё самое лучшее из того, что было в моём детстве. Почему же она всё ещё ненавидит меня?

Неполноценное детство исказило Ричарда II.

— Да, я виноват перед её матерью. Ну и что? Её мать — мать, а я разве не отец? Я сослал Екатерину, но лишь отправил её в загородный замок в Кембриджшире. Кембриджшир тогда был моими владениями, позже я передал их тебе. Как думаешь, кто из нас стал бы притеснять Екатерину?

— Я назначил её фрейлиной при Лизе и Ричарде, потому что верил: лишь она, их кровная родственница, сможет о них позаботиться. А они, в свою очередь, защитят её. Как когда-то я и мой старший брат.

В теории даже королева не могла безнаказанно третировать приближённых наследного принца или принцессы.

Ричард II искренне не понимал причин ненависти Марии.

— Если она ненавидит меня за то, что трон должен был достаться ей, — это смешно. Трон — мой. Я могу передать его кому захочу. Разве существует правило, что свою собственность

непрерывно нужно оставлять детям? Твой отец не оставил тебе трон. Ты злишься на него? Почему я обязан завещать престол Марии, а не Ричарду?

Ричард II говорил долго. В его словах была доля правды, но ещё больше — неправды.

Август заставил его замолчать одной фразой:

— Но Мария хочет не материальных благ. Она хочет любви.

Отцовской любви — такой, какую Черный Принц питал к Августу: писал длинные письма с наставлениями, гордился сыном, когда все считали его дурачком, хранил верность жене, предпочёл отказаться от короны, но не признать брак с супругой незаконным, отвергнув руку арагонской принцессы.

Ричард II не был неспособен любить близких. Он просто не умел любить — так, как умел его старший брат.

«Стоп!» — Ричард II поднял руку и щёлкнул пальцами перед лицом Августа, не скрывавшего своих чувств. Пришлось прервать племянничьи фантазии. Мальчик был хорош во всём, вот только обожал мелодрамы. — Я знаю, что значит любить. Не забывай о твоём отце и о тебе. Ну, о тебе — наполовину. Извини, что говорю только сейчас, но твою мать Джоан я не особо жаловал. Она была хорошим человеком, красавицей, нашей с твоим отцом родственницей... Но её недостаток в том, что она, зная свою недостойность, всё же вышла за него замуж.

«...» — Август рвался возразить, но не мог. Не только Ричард II думал так — вся Англия была того же мнения.

Не у каждого хватило бы отцовской смелости жениться на трижды вдовевшей тётке. Кашель. Европейские королевские дома — сплошная путаница, и Август уже махнул рукой на попытки в ней разобраться.

— Я считаю, что относился к твоему отцу вполне достойно, — закончил Ричард II.

<http://bllate.org/book/15929/1424200>